Александр
ЦЕХАНОВИЧ

◆

ТАЙНА УГРЮМОГО ДОМА

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ц 55

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-34481-5

© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2027
Издательство Азбука®

ВНЕЗАПНЫЙ АРЕСТ

Сегодня было как-то особенно тихо в воздухе. Вся дачная окрестность пестрела гуляющими. Слышался говор и веселый смех. Где-то вдалеке, словно в воскресный день, тявкала гармонь и заливалась песней какая-то разудалая глотка, издали производя, впрочем, довольно приятное впечатление. С недалекой платформы железной дороги слышались звонки, свистки, шум колес, но это было только изредка, чаще же всего кругом царила тишина, нарушаемая только гармонией, песней и смехом молодежи, вразнобой раздающимся то тут, то там.

Достопримечательностью этого дачного местечка и до некоторой степени его историческим памятником была роскошная вилла графа Сламоты. Она стояла над довольно большим озером и издали была чрезвычайно живописна. Вокруг каменного корпуса изящной архитектуры кудрился старинный парк, сбегая по склону к озеру и к полотну железной дороги; красивый контраст берез и сосен с их ажурными верхушками делал вид очень эффектным.

Сюда под вечер на большую дорогу, издали огибающую парк, выходили дачники совершать свои прогулки.

Одинокий старик-богач граф Сламота, однако, не был ни гордецом, ни нелюдимом, иногда парк его отворялся для гуляний, устраиваемых с благотворительной целью, и некоторые из наиболее почтенных дачников имели на все лето право входа в него.

Ближе к сламотовскому парку стояли лучшие дачи, а дальше, к полю, строения были все мизернее и наконец переходили в простые крестьянские лачуги, охотно, впрочем, занимаемые на лето неприхотливыми питерскими бедняками.

В одной из таких полудач-полуизбушек помещалось семейство молодого чиновника Краева, состоящее из него самого, жены, двух детей и девочки-прислужницы.

Краев всего три года назад окончил университет и всего два года находился на государственной службе, чая много в будущем, но зато питаясь почти одними надеждами в настоящем.

Татьяна Николаевна, жена Краева, белокурая голубоглазая дамочка в каком-то простеньком, но очень миловидном капотике, сидела за чайным столом, поставленным прямо в саду за неимением балкона, и разливала чай.

Сережа, четырех лет, и Маня, трех, торчали на высоких плетеных детских стульях; между ни-

ми стояла девочка лет пятнадцати — розовощекий деревенский подросток.

Павел Павлович Краев сидел напротив жены и задумчиво попыхивал папиросой, глядел куда-то в поле, расстилающееся сейчас же за дачей, и только изредка прихлебывал из остывшего стакана.

Дети лепетали между собою, Татьяна Николаевна облокотилась на край стола и, подперев голову, задумчиво глядела на профиль мужа.

Вечер был великолепный.

Ветки деревьев, справа и слева свесившиеся над столом, по неподвижности своей походили на сплошное изваяние с листьями.

В них было тоже что-то задумчивое, они тоже как будто мечтали о чем-то или дремали первой сладкой грезой.

— Так ты думаешь, мне сегодня же пойти на станцию и отдать? — спросил Краев у жены.

— Конечно, чем скорее, тем лучше. Мало ли что может случиться, ведь, наконец, это же не деньги, — кто потерял, тот, наверно, знает их нумера. Жаль, что ты не отдал тотчас же на вокзале жандарму.

— Я хотел тебе показать свое счастье, ведь все равно треть мне причитается, а это целый капитал, тысяча с чем-то.

Но Татьяна Николаевна, вместо того чтобы выразить радость, как-то тяжело вздохнула.

— Не радует что-то меня эта находка, — сказала она. — Ты не поверишь, когда ты принес сегодня этот бумажник, когда рассказал, как нашел его, мне словно в сердце что кольнуло. Ведь это несчастье другого.

— А, какие глупости! — махнул рукой Краев, но вдруг и сам почему-то нахмурился, и у него что-то неладно стало на душе.

«И в самом деле, Таня права, — думал он. — Таня, как и всякая женщина, верно судит, надо было отдать тотчас же жандарму, составить о находке протокол при свидетелях, и кончено, а я сунул в карман и, озираясь, как вор, прибежал домой с находкой».

И он начал припоминать, какие именно обстоятельства заставили его поступить так.

Хотелось ли ему поразить приятной неожиданностью Таню, или он просто пожадничал и сам не знал, что делает, озираясь и крадучись, как вор со своей находкой. Вышло же нехорошо.

Потерял, верно, кто-нибудь из здешних дачников, и, вероятно, бедняга мучается и терзается сегодня и будет терзаться всю ночь. Еще бы, пять тысяч акциями, ведь это целый капитал.

По проулочку между дачами раздались поспешные шаги нескольких человек. В тишине вечера они прозвучали как-то особенно отчетливо.

И странно, услышав их, Краев вздрогнул и оглянулся, вздрогнула и Татьяна Николаевна.

Но что это такое, в самом деле?

Впереди идет жандарм, за ним пятеро местных крестьян-дачевладельцев и среди них неизвестный человек с окровавленным лицом и руками, в порванной одежде.

Все они идут прямо к даче Краева.

Вот подошли к калитке, отворили ее, вошли в садик, и жандарм, указывая на Краева, спросил у окровавленного и оборванного человека:

— Этот?

— Да, он! — сказал окровавленный человек.

Тогда жандарм громко спросил у Краева:

— Где деньги, которые вы украли?

— Деньги? Какие деньги? — бледнея и чуть не теряя сознания, пробормотал Краев. — Может быть, билеты, я их нашел. Да пустите мои руки, я вам сейчас их достану, они тут, в боковом кармане!

Жандарм сунул руку в карман и вытащил бумажник, который он, Краев, нашел в вагоне.

— Этот? — спросил он у окровавленного человека.

— Этот! — отвечал он.

— Ведите! — скомандовал жандарм, и Краева окружила толпа, заставляя идти куда-то.

Он слышал, как вскрикнула жена, как что-то упало со стола, как разом от испуга закричали дети, он хотел рвануться, кинуться к ним, узнать, что такое там случилось, но его подхватили под руки и повели еще быстрее. Кругом стала скоп-

ляться толпа, из каждой дачи к ней прибавлялось по два, по три человека, и наконец он оказался в центре говоривших о графе Сламоте и управляющем его Шилове, которым и оказался тот самый окровавленный человек, который указал на Краева как на вора.

ОКРОВАВЛЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Старый холостяк, граф Сламота был один из тех людей, которые, несмотря на свою внушительную и представительную наружность, бывают иногда очень мягкого и легко поддающегося влиянию характера.

Старик имел строгий взгляд, горбатый нос и густые нависшие усы, но глаза его глядели добродушно и губы часто складывались в полудетскую улыбку.

Такие люди, как он, имеют еще особенность пристращиваться к той или другой личности из окружающих и совершенно незаметно для себя подпадать всецело под ее влияние.

Граф Виктор Казимирович вел жизнь уединенную и домоседскую. Когда-то в молодости он много путешествовал, много имел очень интересных и пикантных авантюр, но одна из них, как рассказывали знавшие его, начавшись очень весело, окончилась для графа трагически.

Он неудачно влюбился и с тех пор возненавидел женщин до сумасшествия.

Гуляя, например, он готов был дать сколько угодно крюку, чтобы обойти шедшую ему навстречу женщину, в особенности если она была молода и красива.

Над этим чудачеством его, благодаря общему добродушию его характера, подшучивали многие из дачниц, ставя его иногда в комически безвыходное положение.

Одна эксцентричная и очень красивая дама, например, преследовала его целое лето, как-то неожиданно набредя на случай к знакомству.

Старый джентльмен не мог отказать женщине в поклоне и вежливой улыбке, и она этим пользовалась, переходя к разговорам, от которых он никак не мог уклониться.

Делами Сламоты управлял на самых широких полномочиях некто Дмитрий Александрович Шилов, человек, про наружность и душевные качества которого стоит сказать несколько подробнее.

Это был сын старого товарища графа, прокутившегося, проигравшегося в карты и умершего где-то в уездном клубе от удара, вследствие проигрыша крупной, да, кстати сказать, и не совсем чистой ставки.

Граф Сламота поддерживал сына приятеля в университете после того, как юноша явился к нему с просьбой о помощи и рассказал о судьбе отца, а потом, когда тот блестяще окон-

чил курс, видя в молодом человеке необычайную, не по летам, солидность и деловитость, взял его к себе сперва секретарем и потом сделал и управляющим. Место у графа было настолько прочно и выгодно, что Шилов не поступил даже на коронную[1] службу, объявив старику, что с него довольно будет и сознания верной и полезной службы его сиятельству.

До начала нашего рассказа Шилов прослужил уже у графа семь лет и в это время сумел настолько изучить характер своего патрона и так всецело завладел им, что старик, сам того не замечая, очутился в руках у своего управляющего, как ребенок в руках у гувернера.

Шилов и действительно был один из редких типов.

Казалось, у этого человека не было никаких отличительных качеств или они скрывались за какою-то каменной оболочкой замечательной красоты и оригинальности.

Теперь, когда Шилову было уже тридцать лет, он имел густую черную эспаньолку, густые черные усы, концами вверх, темные таинственные глаза под прямыми бровями, белый высокий лоб и длинный, тонко очерченный нос. Курчавые волосы его вились обыкновенно крупными, красивыми прядями, но дня за два до начала рас-

[1] То есть государственную службу в департаменте. — *Здесь и далее примеч. ред.*

сказа нашего он коротко остригся: как говорил, по поводу летней жары.

Теперь лицо его приняло уже окончательно дьявольское выражение, но в особенности поразительна была его улыбка, хищная и вместе с тем обольстительно-прекрасная.

Шилов всегда говорил тихим, ровным голосом, как бы сдерживая силу своего густого грудного баса.

Да и во всем остальном, начиная с движений его и кончая поступками, виднелась та же скрытность, та же сдержанность, близко граничившая с таинственностью.

Когда он говорил, его нельзя было не слушать, когда он доказывал что-нибудь, нельзя было не соглашаться.

И граф всегда соглашался со всеми его предложениями, тем более что успел уже убедиться неоднократно, что советы Шилова были ему полезны и благотворно отзывались на дальнейших делах.

Он был скуп и, как всегда бывает при этом, недоверчив, так что Шилову приходилось потратить много уменья, прежде чем заслужить окончательное доверие своего патрона.

И он заслужил его в последние два года, и пользовался им довольно широко, что и будет видно из дальнейшего рассказа.

Утром, в день ареста чиновника Краева, Шилов, после долгой аудиенции у графа, должен

был взять со счета в банке сто тысяч и перевести их, по его же собственному совету, в другой банк на бóльшие проценты.

Выехал Шилов с утренним поездом, а возвратиться должен был с семичасовым вечерним.

В городе было много других дел по заводу графа, так что старик ожидал любимца и доверенного к вечерней закуске.

Сламота на даче вел деревенский образ жизни, то есть обедал в двенадцать и закусывал в семь-восемь часов вечера.

Иметь в руках такую крупную сумму Шилову приходилось сегодня в первый раз.

Прощаясь утром с графом, перед отъездом в город, он имел какой-то особенно непроницаемый и внушительный вид.

Сламота даже полюбовался на своего управляющего — так много было в нем представительности и важности.

День был чудный, с утра началась такая жара, что Сламота, улыбаясь, сказал Шилову:

— Вы и тут, Дмитрий Александрович, предугадали?

— Насчет чего это, граф?

— А постриглись.

— Ах да... что жарко-то? Да, знаете, так легче. — И он провел рукой по голове.

— Так вам, кажется, еще больше идет, — заметил граф.

Шилов улыбнулся и, поклонившись своим обычным изящно-солидным поклоном, вышел.

— Так в семь с половиной будете? Я новую настоечку выну… ту, золотистую? В ней замечательный секрет! Вот вы увидите.

Шилов еще раз улыбнулся, как улыбается занятой гувернер болтливому ребенку, и вышел на лестницу, ведущую в парк, а оттуда на длинную тенистую аллею, тянущуюся вплоть до самого вокзала.

Аллея эта делала несколько изгибов по довольно густому и старому бору, принадлежавшему графу Сламоте.

Зимой и в темные августовские ночи это место не пользовалось хорошей репутацией. Каждый год тут совершались грабежи, и поэтому дачники избрали себе другую, более людную и оживленную дорогу.

Ожидая своего управляющего, граф не столько интересовался его остроумной операцией, сколько скорейшим возвращением его самого, потому что сегодня он первый раз возвращался так поздно, и без него графу положительно было скучно. Одинокий старик в конце концов привязался к Шилову как к родному сыну и, несмотря на существование довольно значительной, но далекой родни, уже подумывал об оставлении ему значительной части своего громадного состояния.

Впрочем, Шилову эти затаенные мысли графа были неизвестны, потому что они и у самого графа являлись только в форме неясных предположений.

Чем более приближалось время прихода поезда, тем чаще поглядывал граф на часы, ходя по столовой около стола, накрытого на два лица. Граф был почему-то в особенности весел сегодня.

Очевидная прибыльность операции, предложенной Шиловым, была тоже причиной этому.

«И ведь как он, шельма, додумался до этого перевода, — думал Сламота, — другой бы и не догадался, другому бы и горя мало. Нет, положительно этот человек клад для меня».

Однако, вынув в последний раз часы и убедившись, что урочный час на езду или ходьбу (Шилов всегда в хорошую погоду ходил пешком до станции и обратно) уже прошел, и значительно прошел, граф заволновался.

В первый раз он так неаккуратен, но, может быть, задержало что-нибудь!.. Но вот прошло еще четверть часа, час, полтора… Сламота всполошился.

Это уже было слишком! Пришел второй поезд, а Шилова нет.

Он велел лакею сойти вниз и поглядеть вглубь аллеи, не идет ли Дмитрий Александрович с этого поезда.

Но лакей, вернувшись, заявил, что не видать. Прошло еще двадцать минут, и вдруг в нижнем этаже в вестибюле лестницы раздался шум голосов. Сламота испуганно кинулся туда, впервые в своем доме услышав этот неожиданный шум.

Быстрыми шагами сошел он с лестницы и, не доходя до последней площадки, остановился как вкопанный от изумления и испуга.

Перед ним в толпе слуг стоял окровавленный Шилов.

Платье его было истерзано и изорвано, руки тоже окровавлены, сбоку на теле также виднелась кровь, проступившая и на прорези платья...

— Ограбили, граф! И чуть не убили!.. — сказал он, но все-таки своим обычным, почти спокойным голосом.

— Что с вами-то? — кинулся Сламота.

— Изранили, негодяи... Только не смертельно, кажется, даже наверно, потому что я одного из негодяев успел выследить... и уже он арестован. Одно жаль, что, пока я ходил за понятыми и за полицией, негодяи успели скрыть все деньги... при нем нашли только пять акций...

Сламота был сильно поражен и известием о пропаже ста тысяч, и этим ужасным видом своего любимца.

— За доктором! — крикнул он двум лакеям, кучеру, конюху и садовнику, толпившимся в передней.

Двое из них быстро скрылись, а Сламота и старик, камердинер его, под руки повели раненого наверх в его комнату.

Осмотрев раны на руках и одну царапину на груди, Сламота убедился, что они пустячны, но зато, созерцая их, и без рассказа мог себе представить, как яростно было нападение и как отчаянно защищался Шилов.

В особенности сильно была порезана правая рука.

— Ею чаще всего мне приходилось хвататься за нож, — рассказывал Шилов. — Я сам не знаю, каким чудом я спасся. Было это так: я шел по аллее, ничего, конечно, не подозревая, вдруг в том месте, где три дуба выступают и дорога сворачивает, выскочили человек шесть и все кинулись на меня... Нескольких я свалил ударами, но тут сверкнули два ножа. Я дрался как лев и благодаря этому, может быть, остался жив. Их задача, очевидно, была выхватить деньги... И это им удалось, затем они бросились врассыпную, передав деньги одному, который побежал полем. Я сперва упал от нанесенных мне ударов, а потом, когда злоумышленники разбежались, я все-таки, не теряя из виду того, который скрылся с деньгами, бросился за ним... И представьте, граф, это один из здешних дачников, некто Краев, как оказалось. Он теперь арестован и с первым поездом будет отправлен в Петербург. При нем

в качестве улики нашли пять билетов, как я вам сказал, остальные деньги не найдены… Не знаю, что покажет обыск, который произведут сегодня ночью… на даче… у жены негодяя.

Граф Сламота слушал этот рассказ, и все больше и больше морщин собиралось на его лице. Жаль было ему и денег, но еще, пожалуй, больше жаль Шилова, который в это время открыл рубашку и обнаружил на груди довольно значительный порез.

К счастью, нож злодея скользнул по ребрам, а воткнись, он непременно поразил бы в сердце!..

Цеханович А.

Ц 55 Тайна угрюмого дома : повести / Александр Цеханович. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 320 с.

ISBN 978-5-389-34481-5

Александр Николаевич Цеханович (1862–1896) — русский прозаик и журналист, выходец из старинного польского рода. В начале 1890-х имя его, по словам критиков, громко звучало в прессе: он был «присяжным поставщиком романов с приключениями», но выделялся из ряда газетных ремесленников «несомненным литературным талантом». При этом Цеханович вел жизнь широкую и беспутную: пил, кутил, играл в карты, что в конце концов привело его к ранней смерти в тридцать четыре года. Именно этот опыт, позволивший ему основательно изучить «петербургское дно», и питал его уголовные романы. Цеханович знал мир, о котором писал, не понаслышке: воровские притоны, ночная жизнь столицы, белая горячка в грязном дворе, мрачные дома, хранящие страшные тайны, — все это не было для него литературной условностью.

В настоящем издании представлены повести «Страшное дело» и «Тайна угрюмого дома». В «Страшном деле» (1894) молодого чиновника Краева ложно обвиняют в ограблении на сто тысяч рублей — и железные улики против него кажутся неопровержимыми. В «Тайне угрюмого дома» (1901, опубликована посмертно) драматические события разворачиваются в мрачном пустующем доме, где найдены два трупа — старика-ростовщика, жившего отшельником, и обезглавленной молодой девушки, о которой никто не знал, как она попала в дом. Соседи твердят о привидении, мелькающем в окнах по ночам, а следствие заходит в тупик.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ЦЕХАНОВИЧ

ТАЙНА УГРЮМОГО ДОМА

Руководитель проекта Кирилл Красник
Ответственный редактор Оксана Прилежаева
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Полина Малышева, Ольга Попова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.11.2026.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 16,8. Заказ №

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге,
195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Санкт-Петербор қ.
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербор,
Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
https://certification.atticus-group.ru/

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

A-CPI-43901-01-R